

Ли Сяоцзян шёл следом за Хань Дуем, чувствуя себя невероятно неловко. Держался на почтительном отдалении — и близко не подходил, и из виду не упускал, стараясь не спешить и не отставать. Вся эта затея претила его душе, но раз уж дал слово капитану, приходилось тащиться.

Хань Дуй, прекрасно видя преследователя, откровенно забавлялся: то припустит шаг, то резко замрёт посреди дороги, заставляя парня панически прятаться. А стоило им поравняться с густой рощицей, как юноша ловко юркнул в заросли и мгновенно растворился среди деревьев.

Потеряв след, Сяоцзян заметался из стороны в сторону, испуганно озираясь по сторонам.

Пока парень растерянно кружил на одном пяточке, Хань Дуй бесшумно соткался у него прямо за плечом и дружески похлопал по спине.

Сяоцзян подпрыгнул от неожиданности. Обернувшись, он залился густой краской от стыда и испуга.

— О, ты тоже в коммуноу направляешься? — заикаясь, выдавил пойманный шпион. — Какое... какое совпадение, надо же!

Хань Дуй лишь добродушно усмехнулся, избавляя парня от мук позора:

— Сяоцзян, ну какой из тебя преследователь? Сразу видно — дилетант. У тебя же муки совести прямо на лбу написаны. Признайся, ведь не по своей воле за мной увязался?

Тот лишь виновато выдавил подобие улыбки, признавая поражение. Хань Дуй окинул его взглядом. Парню было года двадцать, худой как щепка и загорелый до черноты.

Хань Дуй негромко вздохнул, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление:

— Мы ведь ровесники, в детстве вместе в пыли возились. И почему теперь бегаем друг от друга как чужие? В одной деревне живём, каждый день сталкиваемся, а лица воротим. Всё из-за этих глупых фамильных распрей. Я ведь сколько раз думал: ну какая между нашими семьями кровная вражда? Никто никого в колодцах не топил, детей не воровал. Подумаешь, когда-то между не поделили или из-за полива повздорили... А за долгие годы эти мелкие дразги раздули до вековой вражды.

Сяоцзян притих, задетый за живое.

— В твоих словах есть правда, — пробормотал он. — Но все так привыкли... В одиночку тут ничего не изменишь.

— В том-то и беда, — кивнул Хань Дуй, снова вздыхая. — Но ты задумывался, кому эта вражда на руку? Больше всех выгадывает твой дядюшка, капитан Ли. Ему это только на пользу. Раздувая ненависть к чужакам, он сплачивает вокруг себя всю вашу родню. Не будь этой сплочённости против общего «врага», сел бы он в кресло старосты так легко? А страдают из-за этого такие, как мы с тобой. Мы ведь люди мирные, бесконфликтные, зла никому не желаем. И всё равно оказываемся втянуты в чужие игры, вынуждены враждовать. Зато когда дело доходит до дележа пирога — нас и близко не подпускают. Мы ведь гордые, перед начальством хребет ломать не приучены, ради грошовой выгоды унижаться не станем. Вот и получается, что вперёд лезут те, кто и мизинца твоего не стоит. Посмотри на свою семью — разве я не прав? Обидно ведь, до глубины души обидно.

Сяоцзян лишился дара речи. Он мысленно готовился к тому, что Хань Дуй, поймав его с поличным, разразится бранью и проклятиями. Но получить вместо этого порцию душевных излияний? К такому его жизнь не готовила. Он молчал, переваривая услышанное. А ведь если вдуматься, этот парень попал в самую точку. Озвучил то, о чём сам Сяоцзян давно втайне размышлял, да только вслух сказать не решался. Правда, бдительность он терять не спешил — всё-таки перед ним стоял представитель враждебного клана.

Заметив это мимолётное сомнение, Хань Дуй мгновенно сбавил обороты и замахал руками:

— Ладно, будет об этом. А то решишь ещё, что я тут клинья подбиваю да раздор в вашу семью вношу. Ты же меня знаешь, зла я не держу. Мы ведь с тобой из одного теста слеплены, просто наболело, вот и высказался. Я ещё в школе обратил внимание, какой ты основательный, скромный парень. Не будь этой нелепой вражды между нашими домами, мы бы точно сдружились. Эх, судьба-злодейка...

На этом Хань Дуй тему закрыл и больше к родовым обидам не возвращался. Всю оставшуюся дорогу он непринуждённо болтал о всяких пустяках. Интересовался, чем Сяоцзян занимается на досуге, о чём мечтает, как видит своё будущее.

Слово за слово, и незадачливый шпион сам не заметил, как выложил попутчику всю подноготную. Так Хань Дуй разузнал, что вчерашний визит парня к капитану Ли Маньфу был связан с вакансией в деревенской начальной школе. Оказывается, туда требовались два учителя: по математике и по словесности. Сяоцзян всей душой мечтал преподавать математику и уже несколько раз обивал пороги дядино дома, но тот лишь отмахивался да кормил обещаниями.

Выслушав его, Хань Дуй проникновенно произнёс:

— Как говорят в народе: чтобы вырастить дерево, нужно десять лет, а чтобы воспитать человека — все сто. Народное просвещение — дело государственной важности, халатности тут не место. Учителем должен быть человек не просто грамотный, но и честный, преданный делу. По-моему, ты со своим образованием и душевными качествами подходишь идеально. Борись за это место до последнего, Сяоцзян! Нельзя допустить, чтобы его занял какой-нибудь безответственный бездельник.

Парня эти слова привели в крайнее замешательство. Он почувствовал себя польщённым, сердце затрепетало от непонятной радости, но одновременно ему стало немного стыдно. Немного помолчав, он смущённо качнул головой:

— Ну, ты преувеличиваешь... Мне просто очень нужна нормальная работа.

— Понимаю, отлично понимаю! — рассмеялся Хань Дуй. — Сам старик Маркс утверждал: базис определяет надстройку. Прежде чем служить народу верой и правдой, нужно решить насущный вопрос пропитания.

Сяоцзян согласно улыбнулся.

Дорога от деревни до усадьбы коммуны занимала добрый час ходьбы. И весь этот час Хань Дуй без умолку развлекал попутчика историями, ни разу не повторившись. Когда они наконец добрались до места, Сяоцзяну даже стало немного жаль — разговор оборвался на самом интересном месте.

— Сяоцзян, — мягко обратился к нему Хань Дуй, — подожди меня на улице. Я быстро заскочу к директору Ян, доложу о делах.

Но удача на сей раз изменила ему: директора Ян на месте не оказалось. Как пояснили дежурившие в комитете Федерации женщин сотрудницы, она уехала на совещание в уезд. В офисе остались две приветливые женщины средних лет — товарищ Ван и товарищ Хэ. Про Хань Дуя они уже были наслышаны, поэтому встретили его с радушными улыбками и поинтересовались целью визита.

Осмотревшись, Хань Дуй заметил на стене почётные грамоты и яркие наградные вымпелы — шёлковые красные знамёна с золотым шитьём. В его голове мгновенно созрел блестящий план.

— Ах, какая досада, — с искренним огорчением вздохнул он. — Специально пришёл отчитаться товарищу Ян о результатах её вчерашнего визита.

— Она вернётся нескоро, — отозвалась товарищ Ван. — Но если дело срочное, можешь поделиться с нами. Мы передадим.

— Видите ли, товарищ Ван, — Хань Дуй почтительно склонил голову. — Вчера товарищ Ян лично приезжала к нам в деревню, чтобы провести воспитательную беседу с моей бабушкой. А моя бабушка, надо сказать, женщина упрямая — на всю округу славится своим крутым нравом. Дед с ней полвека воевал, да так и не смог переупрямить. А директор Ян — вот уж истинный профессионал! Буквально за пару часов подобрала нужные слова, и бабушка наша всё осознала, раскаялась. Вся семья теперь не нарадуется, а старшая сестра плачет от счастья. Вот я и прибежал доложить, что семена просвещения дали всходы, пусть директор Ян спит спокойно.

Он замялся, изображая лёгкую неловкость, а затем заговорщицки понизил голос:

— И ещё одно деликатное дельце... Моя старшая сестра загорелась мыслью вышить в благодарность вашей Федерации женщин шёлковый вымпел. Да только мы, деревенские, жизни не знаем, красивых лозунгов отродясь не видывали. Вот она и привязалась ко мне: «Сходи, — говорит, — в коммуну, подгляди одним глазком, как вымпелы оформляют». Так что я сегодня, можно сказать, с ответственным государственным заданием. Вы уж не смейтесь над нашей простотой.

Чем больше Хань Дуй тушевался, тем шире становились улыбки женщин. Наконец они не выдержали и дружно рассмеялись.

— Ну что ты, товарищ Сяо Хань, — сквозь смех проговорила Ван. — Защищать права женщин — наш прямой долг. К чему такие церемонии с вышиванием?

— Товарищ Ван, — с предельно серьёзным лицом возразил юноша. — Прошу вас, не мешайте трудовому крестьянству выражать свои искренние, идущие от самого сердца классовые чувства!

— Ох, ну и уморил! — залилась смехом её коллега. — Ладно уж, Сяо Хань, смотри сколько душе угодно, вымпелы прямо перед тобой.

Парень важно прошёлся вдоль стены, делая вид, что тщательно изучает стежки и шрифты на красном бархате. Тем временем краем глаза он наблюдал за женщинами: те, хмурясь, ожесточённо щёлкали костяшками деревянных счётов, сиюсь свести годовой отчёт. Хань Дуй обращаться со счётами не умел, зато в уме считал молниеносно. Решив не упускать момент, он вызвался помочь:

— Товарищи, позвольте мне взять на себя сверку цифр? С арифметикой я со школьной скамьи на «ты».

Сотрудницы для приличия немного посопротивлялись, но, поддавшись его искреннему напору, вручили ему ведомости. И не прогадали: карандаш Хань Дуя летал по бланкам с невероятной скоростью, а результаты он выдавал быстрее, чем они успевали дотронуться до костяшек.

Впрочем, за процессом работы со счётами он наблюдал с неподдельным любопытством. Заметив его интерес, товарищ Ван радушно предложила:

— Нравится? Приходи как-нибудь в свободное время, я тебя мигом обучу премудростям этой науки.

Лицо юноши просияло от восторга, и он рассыпался в благодарностях.

С этого момента лёд окончательно растаял. Общение потекло легко и непринуждённо. Официоз улетучился: строгая «товарищ Ван» незаметно превратилась для Хань Дуя в заботливую «сестрицу Ван», а его самого женщины ласково величали просто Сяо Хань.

Спустя пару часов Хань Дуй рассудил, что его миссия выполнена, и засобиравшись уходил.

— Сестрица Ван, сестрица Хэ, не буду больше отвлекать вас от важных государственных дел, — вежливо попрощался он. — Все узоры со знамён я накрепко запечатлел в памяти. Приду домой — сразу набросаю эскиз для сестры, пусть вышивает на радость трудящимся.

— Ой, Сяо Хань, так ты ещё и рисовать умеешь? — удивилась товарищ Хэ.

— Да какое там рисовать, — поскромничал он, махнув рукой. — Специального образования у меня нет, так, балуюсь на досуге. В школе помогал стенгазеты оформлять да плакаты революционные выводить.

— И это уже немало! — всплеснула руками Хэ. — Будь ты женщиной, Сяо Хань, я бы костями легла, но выбила тебе место у нас в Федерации женщин!

— Да брось ты, — вмешалась Ван. — У нас ведь равноправие полов! Мужчинам в Федерацию дорога тоже открыта. Помнишь, директор Ян как раз на днях жаловалась, что у нас один бабий коллектив? Мол, когда приходится в дальние бригады выезжать, без мужского плеча туго. Она ведь подумывала взять толкового парня в штат.

При этих словах обе женщины многозначительно уставились на Хань Дуя.

«А что, работа в Федерации женщин — вариант неплохой, — на секунду задумался он.»

Но Хань Дуй тут же отбросил эту мысль. Его главной целью оставался подъём родной деревни из нищеты, а для этого нужно было ковать железо на месте, в гуще событий.

Он виновато улыбнулся:

— Огромное спасибо за доверие, сестрицы. Мне у вас очень нравится, атмосфера чудесная, да и помогать делу женской эмансипации — великая честь. Но вчера наш деревенский капитан Ли Маньфу твёрдо пообещал устроить меня на работу в комитет нашей производственной бригады...

Сотрудницы понимающе переглянулись.

— Ну, раз такое дело, — улыбнулась Ван, — не будем перебегать дорогу вашему начальству.

— В любом случае, — добавил Хань Дуй, — мы все делаем одно общее социалистическое дело. Если Федерации женщин когда-нибудь понадобится моя помощь в деревне — только свистните, расшибусь в лепёшку!

Когда Хань Дуй наконец вышел на крыльцо, измученный ожиданием Сяоцзян едва стоял на ногах — от долгого сидения на корточках конечности совсем затекли. Хань Дуй заботливо подхватил беднягу под локоть, помогая расходиться.

Ковыляя по пыльной дороге, тот покачал головой и с суеверным восторгом прошептал:

— Ну ты и мастер языком чесать... В прошлый раз больше часа соловьём разливался, а сегодня — больше двух! Как у тебя челюсть-то не отвалилась?

— Что поделать, — со вздохом скромного труженика ответил Хань Дуй. — Дел в деревне невпроворот, отчёт директору Ян требовался максимально подробный, со всеми деталями. Вот время незаметно и пролетело.

— И о чём же ты докладывал? — не удержался от любопытства Сяоцзян.

Хань Дуй лишь загадочно прищурился. Испугавшись, что его заподозрят в шпионаже, парень торопливо замахал руками:

— Ой, да ладно, не говори, если секрет! Я просто так спросил, без задней мысли, честное слово!

Хань Дуй выждал театральную паузу, а затем мягко, с затаённой грустью произнёс:

— Сяоцзян... Мне бы очень хотелось поделиться с тобой. В деревне у меня совсем нет близких по духу людей, с кем можно поговорить на равных. Но наши семьи... сам понимаешь. Давай не будем торопить события. Пусть время всё расставит по местам.

Попутчик согласно закивал. У него так сладко защемило в груди от этого признания. Да-да, он всё прекрасно понимал.

В деревню они вернулись аккурат к обеду. Сяоцзян уже предвкушал, как набьёт пустой желудок горячей кашей, но прямо у порога его перехватил Ли Сяобо и потащил в дом к капитану Ли Маньфу на допрос.

Глава бригады лениво ковырялся палочками в чашке с рисом. Оглядев вошедшего племянника, он процедил сквозь зубы:

— Ну что, ходил за Хань Дуем в коммуну?

Тот послушно кивнул.

— И о чём он там шептался с директором Ян? Сколько они проговорили? — прищурился капитан.

— Они сидели за закрытыми дверями, а я дежурил на улице, так что подслушать не удалось, — честно признался Сяоцзян. — Но проболтали они больше двух часов.

«Два с лишним часа?!»

У Ли Маньфу внутри всё похолодело. Лицо его мгновенно потемнело от злости и тревоги. Этот сопляк Хань Дуй — кость в горле, сущий дьявол! Неужели копает под него в коммуне?

Капитан с грохотом опустил чашку на стол и, нахмутив густые брови, грозно приказал:

— Сяоцзян, Сяобо! С сегодняшнего дня не спускайте с этого негодяя глаз.

«Надо срочно загрузить этого паршивца работой по горло, — мрачно размышлял старый лис, яростно орудуя палочками. — Пусть пашет в поле до седьмого пота, чтобы на коммуну ни сил, ни времени не оставалось!»

<http://bllate.org/book/19655/1960193>